

Самый лучших подарок / рассказы

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Самый лучших подарок / рассказы САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПОДАРОК

Один мужчина (звали его Николай Николаевич, но имя это в русской литературе занято, потому пусть он будет, к примеру, Игорем Ивановичем) очень любил жену. Сам по себе факт этой любви довольно любопытен, потому что с женой Игорь Иванович прожил беспорочно уже двадцать три года, четыре месяца и семнадцать дней, сами считайте. Еще любопытнее, пожалуй, тот факт, что и жена все двадцать три года, четыре месяца и семнадцать дней отвечала ему взаимностью – за вычетом, может быть, тех редких моментов, когда Игорь Иванович выпивал с коллегами отечественного вина и делался невнимателен, отчего непременно терял что-нибудь ценное: кепку или шарфик, часы или телефон, или кошелек с запертой внутри банковской карточкой, или перчатку (непременно одну, вот обида), или очки, или галстук, или пуговицу от пальто (с мясом и, разумеется, на самом видном месте, там, где у мужчин возраста Игоря Ивановича высшая точка пивного живота, а у самого Игоря Ивановича живота почти не было), или единый проездной билет на месяц вперед, или ручку, или зонтик, или сумку, или книжку, взятую с собой в метро скуки ради, – и всегда немножечко совесть, потому что в праздники Игорь Иванович возвращался среди ночи, утративший дар членораздельной речи и все наличные средства, иногда немножечко побитый на улице неизвестно кем, – и наутро ужасно маялся печенью. Но сколько выходило таких дней? Новый год да Восемое марта, плюс День армии (где Игорь Иванович, к слову сказать, не служил), да дней рождения пять-шесть на небольшой коллектив – вот и получается, что за всю совместную жизнь жена не любила Игоря Ивановича никак не больше десяти дней в году, да и то часа по четыре в сутки, когда безуспешно набирала ему, пьяному и бравому, и уговаривала вернуться домой, пока ноги

нормально идут. А это в сумме так мало, согласитесь, что можно не считать.

Итак, один мужчина, звали его Игорь Иванович, очень любил жену. И жена его очень любила. Потому оба хотели, чтобы у любимых людей в жизни было всё только самое лучшее – качественное, добротное и функциональное. Жена Игоря Ивановича, как все практичные женщины, точно знала, что три этих свойства чаще всего никак не связаны с суммой, которую продавцы назначают за свой товар. А Игорь Иванович, как все практичные мужчины, больше ориентировался на цену. Ему казалось, во-первых, что покупать любимой женщине дешевое неловко, во-вторых, что хорошее мало стоит не может. И всё бы ничего, вполне себе современный подход, да вот беда – служил Игорь Иванович в скромном страховом офисе, а жена вовсе работала воспитательницей в детском саду, – ну никак не выходило выкроить из семейного бюджета такие суммы, которых бы хватило на достойный подарок. Уже и сыновья выросли, в институты пошли, стали стипендии получать и по вечерам сами подрабатывать «на карман», а всё равно не получалось, хоть ты что хочешь!

Конечно, брали и кредиты – куда без них по нынешней-то жизни. Когда холодильник потек, брали, и когда ремонт делали. И когда детскую мебель на взрослую меняли, тоже пришлось. И когда балкон стеклили. Но как-то это было без фанатизма, только на самое-самое необходимое. Потому что больше всего на свете жена Игоря Ивановича боялась влезть в долги. Игорь-то Иванович был бы и не против, и много раз пытался объяснить свой упрямой половине, что кредит – это не совсем долг, а она ни в какую! И на «баловство» у банка брать ни за что не позволяла. Он, бывало, увидит модную техническую новинку и возжелает, и глаз горит, а тут жена с калькулятором, с блокнотиком – сядет и объяснит на пальцах, сколько выйдет переплаты да мороки с бумажками. Так и не купят ничего, только облизнутся. В такие дни Игорь Иванович, честно сказать, был не совсем уверен, что любит жену. Но это у него быстро проходило. Поэтому тоже не

считается.

Так и жили. Дружно жили (почти всегда). И пусть не шиковали, но и не бедствовали.

Долго ли коротко, но стало жене Игоря Ивановича пятьдесят лет. Юбилей.

Наутро жена в парикмахерскую ушла – укладку делать, брови щипать да маникюр наводить по случаю праздника, – дети по друзьям разбежались до самого вечера, а Игорь Иванович сел перед телевизором и крепко задумался: что бы такое подарить на круглую дату? У него, конечно, серьги были заранее приготовлены, серебряные с изумрудиками, скромненькие и со вкусом, и билеты в драмтеатр на премьеру, на послезавтра, но это разве подарки к юбилею? Хотелось Игорю Ивановичу в этот день для жены чего-нибудь эдакого, особенного.

Проводив ее в парикмахерскую, Игорь Иванович взялся было готовить праздничный обед и уже начал делать салат, но мысль о настоящем подарке не отпускала. Вот и сел к телевизору развеяться немного, да не помогло. Сидел Игорь Иванович, думал, а ничегошеньки придумать не мог. И телевизор, к слову сказать, даже не слышал, хоть в новостях про нашу хоккейную сборную рассказывали, как она опять всех победила, – и вдруг в дверь позвонили. Игорь Иванович подумал сначала, что это жена с маникюром вернулась, не хочет ключи в сумочке выкапывать, и поднялся с дивана, – но в дверь снова позвонили, настойчивее прежнего, эдак с оттягом, и он сразу понял – нет, не жена. Точно нет.

Игорь Иванович вышел в коридор и глянул в глазок.

За дверью наблюдалось молодое лицо, улыбающееся от уха до уха, – и эта улыбка еще усугублялась видом через глазок, как будто из нее одной состояла коротко остриженная и гладко причесанная голова пришельца.

– Вам кого? – спросил осторожный Игорь Иванович.

– Наша фирма проводит сегодня рекламную акцию! – рапортовала улыбающаяся голова бодро.

Услышав эти слова, Игорь Иванович уже собрался вернуться в комнату, но из-за двери прибавили доверительно: «Я от Валерия Андреевича. Знаете такого?» (На самом деле голова сказала, что она от Михал Иваныча, но и это имя уже занято, на сей раз не литературой, а советским кинематографом, так что пусть будет Валерий Андреевич, не все ли равно.)

Валерия Андреевича Игорь Иванович, конечно, знал. Еще как. Валерий Андреевич был не кто иной, как его непосредственный начальник. И начальник, надо сказать, довольно крутого нрава. Что не по нем, сразу кидался приказ об увольнении строчить. Потому Игорь Иванович, делать нечего, на всякий случай открыл дверь и выглянул в сумеречный панельный коридор.

Практически из-под улыбки выпирала яркая картонная коробка, определенно тяжелая, потому что улыбка уже сделалась, помимо воли ее владельца, несколько напряженной.

– Так что у вас? – спросил Игорь Иванович сухо.

– Рекламная акция! – бодро рапортовал пришелец снова. – Только сегодня! Мы бесплатно почистим ваш ковер нашим чудо-пылесосом!

– У нас нет ковров! – отозвался Игорь Иванович еще суше и уже хотел откланяться, но не тут-то было – пришелец перехватил коробку поудобнее и как бы случайно выставил вперед ногу в начищенном до блеска остроносом башмаке, препятствуя ходу металлической двери.

– А диван? У вас есть диван? – спросил пришелец заискивающе.

– Нет, – по инерции отрекся Игорь Иванович.

– Нет?!

– Нет!

Молодой человек и Игорь Иванович прямо посмотрели друг другу в глаза и всё друг про друга немедленно поняли.

– Ну хоть коврик у входной двери я могу почистить? – взмолился молодой человек. – А то мне отчитываться сегодня, а все как

сговорились... Не заплатят же!

– Не до вас! – ответил Игорь Иванович строго. – У жены сегодня юбилей.

– Вот! – воодушевился молодой человек.

Он опять перехватил коробку и немножко вдвинулся в дверной проем, так что Игорю Ивановичу пришлось податься назад.

– Что «вот»?! – попытался рассердиться Игорь Иванович.

– Юбилей! Жена придет... а она, кстати, где?... дома?... нету?... прекрасно!.. жена придет, а у вас ковер почищен, то есть диван! Разве же это плохо?

– Молодой человек, вы меня слышите вообще?!

– Конечно! Представители нашей фирмы всегда самым внимательным образом готовы выслушать своих клиентов!

– Но я не ваш клиент!

– Нет? Валерий Андреевич рекомендовал вас с самой лучшей стороны! Мы на прошлой неделе провели показательную чистку у него в гостиной, и супруга Валерия Андреевича осталась очень довольна результатом... – на этих словах визитер снова переступил и окончательно вдвинулся в коридор, еще потеснив Игоря Ивановича. – Ради бога, можно я это здесь поставлю? Вы себе не представляете даже, сколько это весит!

Коробка твердо встала на пол, под ноги Игорю Ивановичу. Тот проводил ее обреченным взглядом и махнул рукой: «Шут с вами, проводите вашу чистку!» Если против Валерия Андреевича он еще знал какие-то меры, то против супруги его (которую в жизни звали Ольга Яновна, но это тоже из советского кинематографа, так что у нас она будет Юлией Борисовной) – увы и ах. Юлия Борисовна числилась главным бухгалтером в конторе Игоря Ивановича. Дальше можно не рассказывать.

Добрых полтора часа в большой комнате ухало и гудело на басах, перебиваемое бойкой рекламной скороговоркой пришельца, и вскоре продавленный раскладной диванчик сделался точно как новенький. Исчезло замытое кофейное пятно в том месте, где пару лет назад Игорь Иванович неосторожно опрокинул полную

чашку, исчез жирный след котлеты, которую уронил старший сын, большой любитель поесть перед экраном, и даже сам цвет диванчика стал как будто другим – свеженьким и ярким, точно с него сняли верхнюю кожуцу.

Игорь Иванович нервно взглянул на часы – жена должна была вот-вот вернуться из парикмахерской.

– Ну как? – бодро поинтересовался рекламный молодой человек. – Впечатляет?

Он опять растянулся в улыбке, и она заняла все лицо. «И как он это делает?» – про себя удивился Игорь Иванович и торопливо кивнул – мол, да, впечатляет.

Игорь Иванович и пришелец снова уставились друг на друга, и на сей раз понимания не было в помине.

– Ну? – уточнил пришелец.

– Ну? – переспросил хозяин.

– Что будем решать? – осторожно намекнул пришелец.

– Надо где-то расписаться? – не понял хозяин. – Извините, я тороплюсь...

Тут молодой человек отбросил политес и прямо спросил, собирается ли Игорь Иванович покупать чудо-пылесос или так и будет прикидываться, будто ничего не понимает в правилах современной торговли. Диванчик сиял. Пылесос стоял в полной боевой готовности и тускло, благородно поблескивал боком цвета «металлик». Он был похож на гигантского навозного жука. «Вот бы Леночке, в самом деле, такой...» – подумал Игорь Иванович. (Жену Игоря Ивановича действительно звали Еленой, но уж это такое имя, которое со времен Гомера не использовал только ленивый, да к тому же приведено без отчества, так что и менять его на другое не имеет смысла.)

– Сколько? – спросил он на всякий случай. Такой агрегат был определенно не по карману. Определенно! Но за спрос денег не берут.

– Всего сто двадцать тысяч рублей! – рекламный молодой человек особо выделил интонацией начальное «всего», но, видя сокрушительный эффект, который произвела на Игоря Ивановича названная сумма, тут же добавил, не сбавляя темпа: – Но в дни рождения наших клиентов фирма предоставляет пятнадцатипроцентную скидку каждому, кто предъявит соответствующий документ! Итого наш замечательный пылесос сегодня обойдется вам в смешную сумму... (тут пришелец сделал многозначительную паузу и весело поиграл бровями) сто две тысячи! И ни копейкой больше!

Игорь Иванович и рекламный молодой человек опять смотрели друг на друга в упор. И во взгляде первого вполне отчетливо читалось обреченное «денег нет», а во взгляде второго брезжило обнадеживающее «возможны варианты»...

Спустя два часа Елена (отчество, как договорились, мы тут не указываем) вернулась из парикмахерского салона. Ей очень удачно покрасили брови и сделали укладку, подпилили ногти и покрыли ненавязчивым розовым перламутром – так что она чувствовала себя почти прекрасной. Мужа дома она не застала.

Овощи, отваренные для праздничного салата «оливье», так и остались на плите в кастрюльке, даже неочищенные – за вычетом одной картофелины. На разделочной доске горкой лежала заветренная докторская колбаса, накропанная неровными кубиками. В глубокой салатнице на доньшке слезоточил наспех нарубленный репчатый лук. В кухне наблюдалась умеренная разруха, как всегда, когда долго и счастливо женатые мужчины пытаются готовить самостоятельно. Елена-почти-прекрасная немножечко подобрала, немножечко протерла – и стала звонить мужу.

В трубке сначала слышались долгие безответные гудки, а потом взволнованный Игорь Иванович сообщил с места в карьер: «Леночка! Я сегодня совершил нечто героическое!»

Леночка, зная мужа, немедленно и очень сильно насторожилась.

– Я люблю тебя! – сказал Игорь Иванович.

– Что ты натворил? – уточнила Елена-почти-прекрасная.

Ей начало казаться, что муж пьян, хотя голос не вело, как это бывало обычно. Но волнение в голосе было очень, очень подозрительное.

– Что ты натворил? – строго спросила она еще раз, и внутри у нее все сжалось в комочек, помимо воли.

– Натворил?! Бог с тобой, Леночка! Я ничего не натворил! Я хотел сделать тебе подарок!

– Подарок?! – у Елены-почти-прекрасной на этом слове началась отчетливая аритмия. – Какой подарок?..

– Представляешь, Леночка! Я... сегодня... кредит! – Игорь Иванович говорил сквозь смех, потому проглатывал некоторые слова.

– Какой еще кредит? Где ты?! – еще сильнее заволновалась виновница торжества и стала свободной рукой шарить в ящичке с лекарствами, отыскивая на ощупь корвалол в таблетках.

– На сто тысяч! Вернее, на сто две! – сообщил счастливый Игорь Иванович.

Леночка на всякий случай села. Корвалол наконец нашелся. Он как будто сам впрыгнул в руку.

– Что? – спросила она хрипло.

Игорь Иванович стал сбивчиво рассказывать своей почти прекрасной Елене про рекламного молодого человека с чудопылесосом и про то, как поехали в офис оформлять документы. Игорь Иванович пребывал в великолепном настроении и немножечко как бы подшучивал над собой и сам этим шуткам смеялся, не замечая напряженного молчания по другую сторону трубки.

– Ты представляешь, Леночка! – радовался Игорь Иванович. – Тут на выбор сразу три банка. У одних восемнадцать процентов годовых, но с комиссией, у других двадцать, но без комиссии, а у третьих девятнадцать, но зато самый большой первый взнос. Уж я между ними бегал-бегал, бегал-бегал. Даже на калькуляторе считал, правда-правда!

Леночка дрожащей рукою пошарила над вытяжкой и достала массивный черный калькулятор, с которым ходила за покупками в конце недели. Набрала сто две тысячи, поделила на сто, умножила на восемнадцать, прибавила обратно сто две тысячи и разделила теперь уже на свой рабочий оклад, который получала чистыми на руки, – и по щеке ее покатились соленая слезинка, величиной не больше рисового зернышка.

– А этот, рекламный, торопит! – сквозь смех продолжал Иван Иванович. – Уж и бумаги распечатал в трех экземплярах – один мне, один себе и один банку, когда выберу. А девица, которая там, где двадцать процентов, но без комиссии, наблюдает за мной и губы кривит. Мол, жадный мужик, престижную вещь покупает, а копейки высчитывает. Э нет, думаю. У тебя, милочка, я точно оформляться не стану...

Тут у Леночки по щекам скатилось друг за другом еще несколько слезинок покрупнее – где-то примерно с очищенное подсолнечное семечко. Она опустила телефонную трубку между колен и стала смотреть в кухонное окошко. В трубке что-то клокотало и фыркало неразборчиво, но она не слышала, а только думала – за что, за что? И ведь надо же, какой день выбрал! День рождения! Юбилей! И так ей стало за себя обидно, что она отерла слезы и решительно поднесла трубку к уху с твердым намерением сказать Игорю Ивановичу все, что накопилось за двадцать три совместных года, четыре месяца и семнадцать дней.

– Правда же я молодец! – сказала трубка. – Сама подумай – такого подарка я тебе точно еще не делал!

– Да уж! – подтвердила именинница холодно и сжала свободную руку в кулак. А потом оглушительно всхлипнула и прошептала: – Игорь, как ты мог?!

– Леночка? – удивилась трубка. – Леночка?!

– Как ты мог?! – кричала исступленная Леночка. – Зная мое отношение! Как?!

– Но Леночка... – опешила трубка. – Ты меня слышала? Я не взял кредит!

Леночка растерянно замолчала, боясь переспрашивать.

– На сто тысяч! Точнее, на сто две! Не взял! – отчетливо повторил счастливый Игорь Иванович. – Понимаешь, я хотел сделать тебе подарок к юбилею, самый-самый лучший, а тут... В общем, когда девочки насчитали мне почти по десять тысяч в месяц, если на год, и почти по восемь, если на два... я тогда сел над бумагами этими и подумал, как прихожу к тебе... и...

Леночке по мере этого рассказа сначала сделалось немножечко жарко, потом немножечко холодно – и опять жарко. А в самом интересном месте, когда Игорь Иванович, смеясь над собой пуще прежнего, пересказывал, как возмущались банковские люди и как стыдили его, а он не сдался, – она перешла в большую комнату и тяжело опустилась на вычищенный диванчик. Села на то самое место, где раньше было пятно от пролитого кофе, и не заметила отсутствия пятна. И отсутствия масляного следа, некогда оставленного старшим сыном, не заметила тоже. Она вообще не заметила в диванчике никаких изменений. Наверное, потому, что в глазах у нее стояли слезы. (Теперь это были по-настоящему крупные слезы, величиною с кофейное зерно.) Виной глупая женская впечатлительность. Кредит на сто две тысячи как бы прошел у Леночки перед глазами, подминая под себя всю культурную программу на год и два вперед, включая летний отдых в Турции и выходные в садовом домике под Рязанью. Как торнадо. Как землетрясение в Китае. Как цунами какое-нибудь. Прошел – и отхлынул. Отпустил.

Уж и рассказ был окончен, и Игорь Иванович почти подъезжал к дому, а Леночка все сидела на диванчике и плакала, плакала, плакала – как девчонка, вытирая распухший нос рукавом. Леночка плакала от облегчения. Много чего ей подарили в том году на юбилей. Но некупленный чудо-пылесос – это был самый-самый-самый лучший подарок.

- ИНФАНТА

Она тихонько раскачивается на табурете, упираясь пятками в

пол. Вперед-назад. Маленькая, всклокоченная. Ручки сердито скрещены под грудью.

– Не качайся, – говорю. – Сломаешь.

– Новую куплю!

И опять вперед-назад, вперед-назад. Купит, как же. Много она тут накупала.

Сидит, уставившись в одну точку, куда-то между вытяжкой и газовой трубой. В спутанных волосах старый крабик с поломанными зубами, он беспомощно свисает за правым ухом. С другой стороны волосы выбились и торчат. Она опускает голову и начинает рассматривать свои ступни. Вверх-вниз. Тапки Пашкины, велики на пять размеров и едва держатся на пальцах.

– Я замуж выхожу...

– Опять?! – Пашка поворачивается от плиты, где шуршит на маленьком огне яичница. В одной руке у него скорлупа, в другой деревянная лопаточка. Как держава и скипетр. – С ума сошла?

– А что?! – отвечает она с вызовом. – Нельзя?!

– Теоретически? Теоретически – можно. – Пашка явно ее дразнит.

– Я, между прочим, взрослый человек!

– Да ну! – Брови Пашкины ползут вверх, скипетр и держава тоже. Он хочет подчеркнуть, насколько удивлен.

– Как же вы мне надоели, а... – произносит она устало, без выражения.

– На, – говорю, – лучше кофе выпей.

Она вцепляется в чашку, подставляет лицо под струйки ароматного пара, с наслаждением прикрывает глаза.

– Расческу дать? Давай крабик переколю?

– Не надо!

– Где ты ночевала вчера?

– Вам-то что?

– Как это что?! – Пашка начинает злиться. – Мы тебе, между прочим, не чужие!

– Как же, не чужие... Хуже чужих! – Она греет ладони о чашку,

руки дрожат и чашка в них дрожит. – Чужие-то нос не суют не в свое дело!

– Не в свое?! – Скипетр взлетает над шипящей сковородой, и в стороны летят белые ошметки.– Ну, знаешь! – Пашка хватает тряпку и начинает яростно протирать столешницу и плиту. Вытяжка низко воет на одной ноте.

– Как же мне надоело от вас зависеть, – шепчет она вроде бы себе под нос, но так, чтобы мы услышали.

– А нам? Нам от тебя, думаешь, не надоело?! – Пашка поворачивается ко мне, начинает почти спокойно: – Пусть делает что хочет. – Речь его едва уловимо ускоряется, голос становится выше. – Достала. Ты как знаешь, а я ее больше вытаскивать не буду!

– Вот и не лезьте, не лезьте! Повторяю: я взрослый, самостоятельный человек!

– Взрослый – это положим. Но самостоятельный?! – Пашка продолжает дразнить.

Вперед-назад, вперед-назад. Всё быстрее. Табурет яростно скрипит. У нее делается злое, заостренное лицо. Щеки впалые, под глазами серо. А в глазах уже стоят слезы, вот-вот прольются.

– Что вы вмешиваетесь все время? Что вы лезете ко мне?! – выкрикивает истерично. – Я вам надоела, я знаю!

– Ну что ты такое говоришь? Что значит надое...

– Вышла бы лучше за Филитовича... Чего влезли?!

– Не начинай. Филитович – алкоголик.

– Тогда за Алика! – не слышит она. – Освободила бы вас раз навсегда!

– Алик был аферист, – возражаю я.

– И мудака, – добавляет Пашка.

– Я его любила!

– Ты его, он – нашу жилплощадь. Прямо любовный треугольник! – добивает Пашка.

– Дурак! Оба вы дураки! Много вы понимаете в моей жизни! – Она стучит в грудь худеньким остреньким кулачком, начинает

заикаться. По щекам наконец-то катятся слезы.

– Ну а новый твой, кто он? – Осторожно глажу ее по волосам, но она уворачивается. Протягиваю ей носовой платок. Берет, громко сморкается и прячет мокрый комочек в рукав халата. Не отвечает. – Хороший человек? Надежный?

– Вам-то что?

– Да так... – Пашка выкладывает яичницу, посыпает укропом. – Дай угадаю. У него сейчас кризис. Ему жить негде. Или работать? Или жить и работать? Угадал? Но вообще-то он, конечно, о-го-го.

– Заткнись!

Пашка хмыкает. Ставит возле нее горячую тарелку. Подает вилку и нож.

Она поворачивается к столу и начинает механически есть, отламывая кусочки яичницы. Нож зажат в кулаке и неподвижно торчит лезвием вверх, а она работает одной вилкой, глотает, почти не жуя, обжигается и плачет.

– Правда, Паш, перестань. Ей и так плохо... Где платок?

Она послушно достает платок из рукава и снова сморкается. Пытается спрятать раскисшую тряпочку обратно.

– Дай сюда! Грязный уже!

Отбираю платок и достаю из кармана новый, накрахмаленный. Всхлипывает, сморкается, прячет комочек в рукав.

– Почему не позвонила вчера? – спрашивает Пашка примирительно.

– Мы ведь волновались. Ну сколько тебя просить? Это же так просто – набрать номер.

– Деньги кончились, – отвечает она и вдруг давится, хватая воздух открытым ртом – горячо.

– Опять? Я же тебе недавно клал!

– Мне нужно было срочно переговорить с одним человеком... По работе.

– Ты нашла работу? – Пашка искренне удивлен.

– Нет.

– Так я и думал.

И тут ее прорывает. Она отпихивает пустую тарелку, вскакивает, хватая Пашку за грудки. Стоя перед ним на цыпочках, выкрикивает в лицо:

– А ты попробуй, попробуй! Устройся! Ты молодой, тебе легко говорить! А мне сорок пять, кому я нужна?!

Пашка стоит перед ней, опустив голову, и даже не пытается сопротивляться. Только шею слегка наклонил, чтобы ей было удобнее кричать.

– Я! Выхожу! Замуж! Замуж!!!

– Ну все, мам, все... – Я осторожно отцепляю ее худенькие сильные пальцы от Пашкиной футболки. – Не кричи. Нам сегодня к первой паре, мы опаздываем уже.

– Да пошли вы...

Она отпускает Пашку и возвращается на табурет. Опускает руки между колен. Опускает голову на руки. Вперед-назад, вперед-назад. Беззубый крабик плюхается на линолеум и замирает. Немытые волосы рассыпаются по плечам.

– Правда, Паш, пойдем. Время.

Я тяну брата за руку, увожу с кухни. Он молчит, только желваки ходят.

Она сидит в той же позе.

– Ма-ам?..

Не реагирует.

– Там в холодильнике суп. В обед поешь...

Она поднимает голову, смотрит на меня почти с ненавистью:

– Только чтобы не поздно! Чтобы в семь были дома!

– Хорошо, мам.

Мне сегодня до одиннадцати, Пашке вообще в ночь. Быстренько влезаю в кроссовки и хватаю рюкзак. Мы с Пашкой выходим из квартиры.

– Идея! – говорит Пашка многозначительно.

Он запирает дверь на все замки и выворачивает карманы. Улыбается. Достает еще три связки ключей:

– Вот! Все здесь!

Учись, говорит, спокойно. Работай спокойно. Куда она денется?

• ВСЕ, КТО НЕ ЛУЗЕР

– Я так и знала! – кричала она. – Идиот! Лузер! Ничего не можешь!

И была в своем порыве удивительно неоригинальна. Она бы удивилась, если бы узнала, сколько женщин по всему миру выкрикивали сейчас мужьям нечто подобное на всех языках. Маша кричала на русском. Кричала и била одну за одной глубокие тарелки, которыми в семье нечасто пользовались. А он сидел, уцепившись взглядом за перекрестье кухонных плиток, и всеми силами старался не посмотреть в окно.

– Это был последний шанс! Понимаешь ты или нет?! По-настоящему последний! Дальше – всё! – В глазах ее стояли слезы.

В детской их старшенький, за последние месяцы привыкший к мамы-папиным скандалам, приподнявшись на цыпочки и удобно устроив подбородок на пыльном подоконнике, наблюдал, как в небо стремительно взлетают красивые круглые шары, состоящие из ослепительного света, а за ними тянутся длинные и почти такие же ослепительные хвостики. Отсвет от них отражался у мальчика в глазах, восторженно блестящих – ничего настолько красивого в своей короткой жизни он еще не видел. Его младшая сестренка, трехмесячная, мирно спала в своей кроватке.

Пластиковые окна были задраены по всей квартире, но даже хваленые тройные стеклопакеты не могли удержать волну непрерывного гула, льющегося с улицы.

– Что с нами будет?! – не унималась Маша.

Глубокие тарелки кончились, и она схватила было детскую, с

ёжиком, но, словно вдруг обессилов, посмотрела на нее и воткнула обратно в мойку. Вытерла слезы рукавом домашнего халатика.

Он больше не возражал. Что тут скажешь? Маша была права. Во всем права.

И только одного не понимала: у них не было ни малейшего шанса. С самого начала не было. Что мог молодой астрофизик, пусть даже самый перспективный, против системы? Всё давно было схвачено, всё распределено заранее, подсчитаны и заняты все посадочные места.

Мальчик всё смотрел за стекло, вцепившись тонкими ручками в подоконник, а волшебные шары уходили вверх и скрывались бесследно в пелене смога, сегодня не слишком непроглядного по случаю хорошей погоды. Ему не хватало роста, чтобы выглянуть во двор. Да и чего он там не видел?

Промеж островков провалившейся, ломаной плитки и вздыбленного асфальта топорщилась сухая желтая трава, подернутая густым слоем городской пыли, торчали вдоль дороги культияпки чахлых стриженных тополей, а за ними лежала автостоянка – такая же забитая, как в любой другой день, похожая на противень с пирожками, и часть непоместившихся легковушек по обыкновению ютилась, въехав одним боком на тротуар.

– Маш, все остаются, – сказал он тихо, не поднимая взгляда от пола. Там, куда он смотрел, теперь лежал большой белый осколок с кромкой синего ободка.

– Все!!! – Она патетически воздела руки к потолку. – Мы же умрем! Мы все умрем, ты это понимаешь?!

Он понимал, да. Но все равно произнес тихо и зло, наконец-то посмотрев на жену:

– Кто тебе сказал, что мы умрем? Телевизор?

– А что, так непонятно?! – выкрикнула она и закашлялась, такую высокую взяла ноту. – Если эти бегут, значит теперь точно всё!

Он наконец-то посмотрел на улицу, в небо. Шары взлетали и таяли. Так вот, значит, как ты выглядишь, конец света?

Младшая девочка проснулась и заплакала, и жена, шумно высморкавшись и вытирая глаза, ушла в детскую ее успокаивать.

В чудеса он не верил. Если вся элита сваливает, дело труба, факт.

С самого начала было понятно, что этим кончится. Буквально с того дня, когда открыли эту чертову планету. Нет, она была всем хороша. Она, быть может, была в чем-то и лучше Земли (когда ту еще не загадили).

Новая планета была хороша всем – кроме размера.

Он поднялся и тоже пошел в детскую, встал в проеме. Жена, всхлипывая, кормила дочку. Та старательно сосала, прикрыв глаза, и белая грудь Маши в прожилках растяжек казалась беззащитной почти невыносимо. Он отвернулся к окну, где сын стоял на цыпочках и смотрел в небо.

«Что с ними будет? – подумал он. – Сколько нам еще осталось?»

Он подошел, погладил мальчика по темным волосам, на затылке торчавшим смешным ежиком.

– Па-ап, а шарики куда летят? – спросил мальчик.

В груди засбоило.

– Далеко, – только и нашелся ответить.

Но у сына был возраст почемучек, и мучительные вопросы продолжились. А далеко – это где? А сколько они будут лететь? Долго? Дольше, чем до Нового года? А до дня рождения? А они все-все улетят, да? А они вернуться?

– Нет, – вздохнул он. – Не вернуться. – И прибавил зло: – Туда и дорога!

Жена за спиной всхлипнула громче, но никаких комментариев не последовало: девочка спала у нее на руках, прикрыв черные, словно китайской тушью начертанные реснички, и мирно сопела во

сне.

Он прижался лбом к стеклу и посмотрел вниз. Там все было, в общем, по-прежнему. Вот только людей никого. Все, кто оставался, сидели сейчас по домам, укрывшись от этого жуткого звука, от отчаяния своего жуткого, и он не думал, что в других странах дело обстояло как-то иначе.

Сначала был ажиотаж, потом паника, теперь вот апатия. Он не участвовал в первом, как ни наседали жена, не участвовал во втором и не собирался участвовать в третьем. Завтра он встанет, как обычно, в семь, позавтракает и поедет на работу. По дороге завезет сына в детский сад. А на обратном пути купит хлеба и молока. Как бы мало им ни оставалось, конец света (то есть окончательный конец) – это еще не завтра. И даже не на следующей неделе.

Хотел было включить ноутбук, но передумал, представив тот адский холивар, который царил сейчас в соцсетях. А телевизора у них и не было, осталось только само нарицательное слово, почти неприличное.

Она была слишком маленькая, та планета. Просто слишком маленькая, и всё. Мечты о чудесном спасении человечества от самого себя с самого начала наглухо уперлись в размер. Относительно всего населения Земли новая планетка могла вместить лишь жалкую горстку. А вопрос уже, что называется, назрел и перезрел. А вопрос давно уже стоял ребром.

И сначала, конечно, пошли саммиты и ассамблеи, пошли заседания органов верховной власти по всему миру, пошли в эфир красивые слова о смысле и справедливости, и, разумеется, куда без этого, о новом Ковчеге, на который следует взять «каждой твари по паре».

Бла-бла-бла генофонд.

Бла-бла-бла передовые ученые.

Бла-бла-бла медицина.

Бла-бла-бла космос.

Бла-бла-бла мировая культура.

Бла-бла-бла капитальное строительство.

Бла-бла-бла экология.

Пока лузеры вроде него работали как оглашенные, разрабатывали и обустроивали, обеспечивали и возводили, чтобы лучшим представителям человечества можно было вылететь в кратчайшие сроки, по уму (наконец-то по уму!) обустроиться на новом месте и, даст бог, вернуться и попытаться спасти остальных, те, кто мог себе это позволить, покупали, за баснословные суммы, места на том Ковчеге, себе и своим детям, и своим женам, и своим шлюхам... да был ли вообще на тех кораблях хоть один человек, кто и правда представлял себе все перечисленные «бла-бла-бла»? Он не верил, тем более что на отбывающих кораблях всем управляла надежнейшая и бесперебойная электроника.

Когда и впрямь дошло дело до отлета, в списке лучших предсказуемо оказались вместо ученых – фотомодели и певички, вместо медиков – политики и миллиардеры, и, что называется, далее по списку. Улетали президенты со своими кабинетами министров, высокопоставленные чиновники и военные: все те, кто поначалу клялся «остаться со своим народом», но, как дошло до дела, они первыми попрыгали в спасительные корабли, потому что не собирались возвращаться, и какое дело было им до рейтингов и общественного мнения на несчастной загаженной территории, которую они покидали навсегда.

– После нас хоть потоп... – пробормотал он и опять взъерошил сыну волосы.

– А почему? – Мальчик поднял голову и серьезно посмотрел на отца.

– Ох... Чтоб я еще знал... – сказал отец.

За окном уже почти стемнело, и гул то ли правда сделался потише, то ли просто к нему притерпелись... Вот взять хотя бы их институт. Даже руководитель, мировое светило, и тот не умел добыть себе места. Да и не старался, положила руку на сердце. А эта заладила: лузер, лузер! Такой человек, и не полетел, и не

жалуется! Хотя ему, конечно, что терять... Детей нет, внуков нет. И самому уже под семьдесят, а там одного лёту лет пятнадцать, куда ему, в самом деле?

Он попытался представить себе ту новую планету, какая она? Когда ее открыли, он был, кажется, в пятом. Потому и физикой в свое время занялся – такой тогда ажиотаж был, все рвались учиться, кто во что горазд, а родители знай подстегивали. Учителя двоечников пугали: будешь плохо стараться, не возьмут на новую Землю! Господи, вроде как вчера было...

Он отлепил сына от подоконника, закружил, поднял над головой и подбросил. Мальчик счастливо засмеялся.

– Папа, еще, еще!

– Какой идиот! – констатировала жена, но уже без прежнего раздражения.

Она опустила опять заснувшую дочку в кроватку и, в два шага преодолев расстояние между диванчиком старшего сына и окном, задернула шторы. Буркнула:

– Ужинать пойдемте, летуны! И не орите, не орите вы так, Люську разбудите!

А ночью, уже уложив старшего, они долго лежали без сна, обнявшись крепко-крепко, и оба представляли, хоть и не хотели этого, проклятую новую планету. Маша видела чистый пустой пляж и волны, и детей, с визгом плещущихся у берега, – воспоминание откуда-то из глубин детства, а может, даже из кино, – ни в одном море купаться ни один нормальный человек сейчас бы не решился. А ее муж думал о небе, каким оно должно быть. Минус смог, плюс облака. Белые на синем. Красиво. Как на старинных фотографиях.

– А знаешь, – шепнула ему Маша куда-то в шею, – я больше не хочу об этом думать, ладно? Сколько бы нам ни осталось – всё наше!

– Я тебя люблю, – шепнул он в ответ.

– И я тебя.

И они стали медленно и с надрывом целоваться – как в последний раз.

***

Спустя годы их прапраправнук вошел в состав экспедиции, отправленной на новую Землю, откуда, за вычетом буквально первого года по прилете, не поступало никаких вестей. Время в полете к тому моменту исхитрились сократить до месяца, новые технологии это вполне позволяли.

Среди царящей идиллии с большим трудом отыскалось малочисленное и совершенно дикое племя, поклоняющееся сошедшему с небес идолу, в котором члены исследовательской группы легко опознали остов одного «ковчега».

Племя перевезли на Землю для подробного изучения и попытались приобщить к цивилизации (без особого, впрочем, успеха), а на маленькой зеленой планете открыли лагерь отдыха и лечебницы для детей и пенсионеров.

Об авторе: ВИКТОРИЯ ЛЕБЕДЕВА

Прозаик, литературный редактор. Родилась в Московской обл. Окончила МИРЭА и Литературный институт. Публикуется в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Новый мир» и других. Автор нескольких книг для взрослых и детей. Живет в Москве.
Neкаýalar